

Бразервуд

синдром

АСТРОНОМА

Бразервилль Синдром астронома

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20648444

Синдром астронома / Бразервилль: Издать Книгу; Москва; 2016

Аннотация

Космический вуайеризм

Когда-то была влюблена в одного сомелье. Он тоже меня любил. Но намного сильнее. Долго учил правильно дегустировать вино, часами рассказывая все тонкости вкуса и аромата. Потратил на это много усилий, получив взамен пучок седых волос и психосоматические расстройства. Я не понимала: зачем это ему? Работа должна оставаться работой, жизнь – жизнью. Прочитав книгу Бразервилля «Синдром астронома», только сейчас могу ответить на этот вопрос.

Люди питаются эмоциями. Абсолютно все. Когда ты не боишься полностью погрузиться в их источник, наступает процесс опустошения. Источником может быть что угодно – йога, археологические раскопки, секс, изучение нового языка... Но законы постиндустриального общества всё упрощают: эмоции одного человека – реакция на эмоции другого. У сомелье, о котором я писала выше, свои горизонты ожиданий: ему было важно разделить эмоции со мной, сгенерировав новые. Это тот случай, когда то, чем ты занимаешься, не просто доставляет

удовольствие, а проникает во все уголки жизни, открывая при этом потайные комнаты.

«Синдром астронома» – кладезь эмоций. Взрыв эмоций. Война эмоций.

Я бы рекомендовала прочесть эти сюрреалистические стихотворения с кинематографическим эффектом тем, кто всё ещё в поиске смысла существования, кто достаточно часто ощущает себя одиноким и чужим в этом мире, кто хоть раз мечтал спрятаться от всех, кто задумывался о возможности жизни за пределами того, что может видеть и понимать человек.

Автор мастерски играет с образами (таксиста, стены, стариков, курицы, вороны, кошки, города, дома, детей, дождя). Иногда образы настолько зримые, что во время чтения ты превращаешься в кусок пластилина, обращаешь внимание на скелеты веток в окне, чувствуешь апельсиновый привкус солнца на языке, ощущаешь, что пол влажнеет, слышишь птичий хор и стон лавочки. Это и есть дуализм творчества: автор отдаёт эмоции – читатель их получает и с жадностью прячет:

Курить – так до конца.

До просвета скелета,

до выкашлянных лёгких и выморганных глаз.

«Синдром астронома» – космический вуайеризм. Но вуайеризм не в том значении, в котором его толковал Фрейд. Попытка подсмотреть за происходящим, находясь при этом «за гранью». Другими словами: почувствуй себя богом, но для начала его придумай.

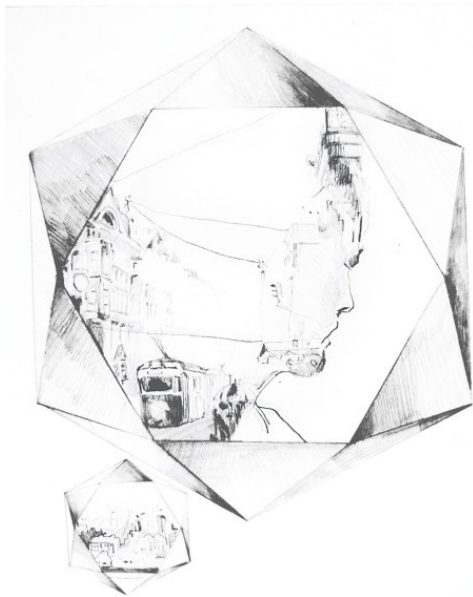
Содержание

Часть 1	6
Ничего не болит	7
Заготовка мёда в условиях техногенного одиночества	8
Сладко!	9
Структура сна	11
Ветер жонглирует мусором	13
Человек в шкафу	14
Лепка	16
Город покончил с собой	18
Шизь	20
Выгулы мороженой курицы	21
Он спрятался так, что его никто не нашёл	22
Не надевая наготу	24
Дом болен	26
Хуманический сеанс	27
Демонтаж лета	29
Неопознанный вихляющий объект	31
Гражданин	33
Медсестра	34
Пожарный выход	35
Из ниоткуда	36
Дядя Дима в понедельник не проснулся	37

Протолицо	38
Запуски воздушного змея	40
Квартирная рекурсия	41
Испытание чёрной дырой	43
Смена полюсов	45
Иллюзии	46
Час эсминца	48
В Катманду	49
Плохая мина при хорошей игре	50
Прощание с весной	52
Дяди индиго	54
Никтофобия	55
Как всегда	57
Всем спать	58
Душу купил	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Бразервилль Синдром Астронома

Часть 1 Структура сна

Ничего не болит

У тебя ничего не болит,
не болит, не зудит, не колотит, не ноет,
не трещит голова меж бетонных плит
новостей.

Ощущенье сегодня иное.

Пустота? Нет – отсутствие боли. Всё.

Неестественно тих, отрезвлён до молитвы,
на скамейке сидишь, глядишь карасём
как отважно спешат – нет, не люди – болиды
в пиджаках из пиявок страхов, обид,
план страданий на жизнь —
в их глазах изувеченных.

Ты – остыл, ты уже не болид,
у тебя ничего не болит.

Нечему.

2015

Заготовка мёда в условиях техногенного одиночества

В россыпях улиц всегда найдётся пища задаром;
свежесть улыбки, игривый взгляд – продукт, не сырьё.
Где неподдельные чувства нежно пахнут нектаром,
там обнаружится тот, кто первоцвет соберёт
и деловито утащит в свой пустующий улей
ради подкормки себя в период тяжкой борьбы
с тьмой одиночества.

Выбери беднягу сутулей
в гуле толпы, улыбнись ему. Когда засвербит
в полом зобу, он поймёт – он тоже ульевый юнит.
В прошлом оставив погосты и разливы болот,
он даже с этой грамулькой мёда перезимует,
ежели не отберёт какой-нибудь пчеловод.

2015

Сладко!

По радио трагик вздыхает: «Всё плохо...»,
таксист, завоёванный палочкой Коха,
кивает и кашляет грустью в стекло.
Мы едем, а может «копейка» заглохла.

Куда ты завёз? В этой местности мерзкой
охота себя изломтить хлеборезкой.
Что смотришь? Тебе это не помогло?
За что этот город такой изуверский?

Сидит в ресторане унылая свадьба,
а мне бы выпить, а мне поплясать бы,
но нет! Как на кладбище поп – тамада
младых провожает в могилу-усадьбу.

Скорбящие гости истории травят
что миром отчаянье горькое правит,
паршиво и тускло сейчас и всегда,
и нет ни улыбки в гундящей ораве.

И люди кричат на вселенную: «Сладко!»
встают молодые, но с лицами в складку,
невесту целует жених точно в лоб
холодный, сырой, как мантушная ватка.

Нет мочи терпеть! Миновал ряд проплешин,
схватил микрофон, и в него я забрезжил
стихи, поздравления, шутки, тепло.
И мне улыбаются: «Бедный приезжий».

2013

Структура сна

Будь готов, что твой утренний город
вдруг окажется незнакомым:
вместо луж и машинного ора —
тишина предзакатной комы,

время пало, как лошадь хромая,
ароматы не режут ноздри,
только ползают слизи трамваев,
задремавший катая воздух,

только люди застыли бетонно
в полужесте, в броске, на вдохе,
спят они в это время дома,
в липких снах – образцы суматохи.

Телефоны – в ладони на выпас,
светофоры красны кому-то,
дождь готов задержаться и выпасть,
птицы сбились давно с маршрута.

Вперемешку с узлами конструкций
город видит во сне скульптуры.
Будь готов в этом сне не проснуться,
и стать частью его структуры.

2015

Ветер жонглирует мусором

Ветер шершавый жонглирует мусором,
ясень сутулится, тополь торчит,
хнычет на ветке ворона кургузая,
лавочка стонет, моргают грачи,
фыркает кошка в окошко острее,
пляшет блоха на собаке хромой,
дворник улыбкой цепляет прохожего
и заражает его болтовнёй,
тучи по сини вульгарно распластаны —
взмылят друг дружку, того и гляди.
Девушке раненой врач лейкопластырем
пробует полость заклеить в груди.
Детям в войнушку играть не велено,
чокнутых строек испытывать нерв.
Дети, шагнувшие с крыши, немедленно
падают вверх.

2015

Человек в шкафу

У каждого нормального скелета – лязг.
Оделись мегаполисы в гирлянды бус,
пустились мегаполисы в бега и в пляс,
их клацанье костяшек – аритмичный пульс.

У каждого скелета: в черноте глазниц,
под рёбрами, где ранее гнездилась сушь —
гуляют сквозняки, как по нутру больниц,
и держатся за косточки обрывки душ.

Сцепились две фигуры у тюльпанных клумб
и, вроде бы – целуются они взасос,
но зоркий наблюдатель не увидит губ,
для зоркого – прохожий завсегда безнос.

Укутаешь в красивое свои мослы,
никто и не подумает, что ты – скелет,
и жаждешь воскрешения души весны,
а вечером скрываешься в квартирный склеп

лелеять то живое, что в других мертво,
в колодцы черепов – очередное «тьфу».
Мертвеешь, и – живее человек твой.
У каждого скелета человек в шкафу.

2015

Лепка

Чужое представление о тебе —
меняет внешность,
становишься куском пластилина
в руках близоруких;
кто хочет —
добавляет свои детали, глядя нежно,
другие —
удаляют, на их взгляд, ненужные штуки.

Ты плавно превращаешься
в небыль, в скользкий фоторобот,
в продукт отнюдь не первого,
не второго сорта мысли,
и, сколько не лепи
на себя ошмётки гардероба
и хитрые ловушки —
покрыть не сможешь метки вислые.

Выходишь
непонятной конструкцией
в такой же город,
наполненный
взахлёб извивающимся контингентом,
встречаешь непохожего на тебя,
но он так скоро

становится похожим
на сотню тех поделок, с кем ты

общался,
принимая участие в их обработке,
шлифовке, подрисовке
и прочем непотребном деле.

Послушай,
больше в зеркало не смотришь,
лицо не фоткай,
там всё равно не ты —
а кого увидеть
захотели.

2015

Город покончил с собой

Город не любят, его внешний вид омерзителен:
серость никчёмных конструкций, дорожные язвы,
тени глухих горожан, превратившихся в зрителей
фильма, в котором их день – бесконечный и ясный.

Город не любит себя. Стоки мыслей отчаянных
пробуют голуби и пропадают куда-то.

Жители видели дождь – посчитали случайным.

Плечи домов сотрясли громовые раскаты,

взвыли сирены, земля задрожала. О, Господи! —

вспомнили люди, – был дождь пересолен и едок.

Город уже привезли с отравлением в госпиталь.

Врач говорит: «наглotalся снотворных таблеток.

Кома. Прогноз на спасение – не утешительный,
трудный больной безнадежно в забвении тонет».

Замерло небо, проспекты, и замерли жители,

видя в ускоренной съёмке сползание бетона

с мертвенных зданий. Асфальт ошетинился, дыбится —

лезут из люков, из трещин зелёные руки

свежих растений, сминая машины, гостиницы,

маркеты. Вьются по улицам щупальца юркие.

Сморщив асфальт, развернулись ковры разнотравия,
бабочки тушат цветы, стаи птиц – не измерить.
Город исчез, будто не было пыли и гравия.
Врач констатирует смерть.

2015

Шизь

Куриль – так до конца.
До просвета скелета,
до выкашлянных лёгких и выморганных глаз.
Рот урны пересох, ждёт культу сигареты.
Над пастью нависаю, дымлю, как белаз.
Клубятся черепа.
Я губить себя – профи,
и снайперу ни грамма болезни не жаль.
Держи. И за углом хоть подохни. Всем пофиг,
сейчас или потом, в богадельне дыша
на ладан, боясь хитрых здоровых придурков.
Паршиво.
И лезет в голову всякая шизь —
а может, на отправленном в урну окурке
успела зародиться разумная жизнь?

2015

Выгулы мороженой курицы

Лавкам под бабушками сегодня балагурится —
бледному мальчику не купили щенка,
мальчик выгуливает мороженую курицу
на поводке. Доволен пока.

Кормит из мисочки ананасными консервами,
гладит синюшную кожу в крупный пупырь,
ласково смотрит в глазёнки преданные серые,
тусклые.

Папенька-нетопырь
хмурится.

Стукнул по́ столу: хватит кур выращивать!

Завтра поедем, куплю живого щенка!

Мальчик выгуливает мороженого ящера
дважды на дню.

Щенки – слабакам.

Он спрятался так, что его никто не нашёл

Он спрятался так, что его никто не нашёл;
исчез, испарился в небесный вырез.

Отец, попивая в уютном кресле крюшон,
отметил: «а может, он просто вырос?»»

Мамаша с платочком солёным по всей длине
слова испускала душой туманной:

– Он прятался в шкаф, там темно, тепло, как во мне,
он мне изменял с другой, новой мамой.

Смышсленная девочка лет семнадцати-двадцати
с растерзанной куклой влетела конно:

– Послушайте, он мне хоть брат, но, боже прости,
он брат-имбецил! Я ждала дракона!

Бабуля, связавшая внуку варежки в гроб,
за еле-живых взялась паучьи,

бубнила: «когда-нибудь все умрём, кому – тромб,
кому – менингит и несчастный случай»

Отец, попивая в уютном кресле крюшон,
зевал. Не оставив улики и шанса,
сын спрятался так, что его никто не нашёл.

Отец допускает – и не рожался.

2015

Не надевая наготу

Забираешь у шкафа одежду шкафа.
Всё забрал. Это просто какой-то ужас.
Ну и пусть. Пьёшь какао под звуки арфы
и в ботинках выходишь лупить по лужам,

весь в одежде, смущают усы под носом.
Покупаешь в киоске бутылку колы,
продавщица из робких взирает косо.
Наплевать! Ты сегодня опять не голый.

Грянул смех за спиной – молодая пара
обгоняет, сцепившись, как в браке крабы.
Ты плывёшь мимо бара, тебе из бара
машут, дескать, зачем зачехлил корабль?

Прошуршал через двор, на скамейке школьник
смотрит фильм, где в мороз одевают девок.
Чёрт те что! И плюёшь далеко: доколе
буду я для борьбы в одиночку – мелок?

До проспекта дожил одноногой гончей,
пешеходы сопят и фырчат машины,
будний день, все торопятся день прикончить.
А в тебя: «Почему вы в штанах, мужчина!».

Срамота! Не сдержал ты вновь обещаний.
Горожане зудят в первозданном виде,
не уродуя в спешке себя вещами,
ну а ты – как дурак: шаровары, свитер.

Оглянулся, а там с шебутным барбосом
обладатель погон и лица ленивца —
больше нет ничего: голопузь и босость,
взгляд разбавленный,
видимо —
из полиции.

2015

Дом болен

В доме – жар, видимо, что-то воспалено;
стены в корчах отшелушивают обои,
всю сантехнику вычихивает в окно,
дом настойчиво доказывает: он болен.
Чтоб не вылететь – держусь за косяк дверной.
Пол влажнеет, покрывая мокротой мебель.
Таракашка собирает своих, как Ной,
деловито суется на подмокшем хлебе.
Дезертирую в себя из картин Миро —
сухость, ласково на тумбах лежат салфетки,
столик, скатерть, сверху – карты иных миров.
Сладкий плен.
Из этих штолен побеги редки.
Дом закашлял – за забор полетело бра
с раскладушкой, раскладывать в небо трассы.
Дому неоткуда ждать вакцин и добра,
у него – нет никого,
только я
заразный.

Хуманический сеанс

Прижались друг к дружке, прохладно и клейко.
Над буквами блюдце, свеча.
Мы будем сейчас вызывать человека,
а он будет нам отвечать.

За всё отвечать, а не образы штопать,
и будет к словам бережлив.
Каким стал тот мир? Изменилось ли что-то
с тех пор, как мы дружно ушли?

По-прежнему ли человек не безгрешен?
По-прежнему в пекле интриг?
Сквозь дыры в сознание, душевные бреши,
увидим его изнутри.

На той стороне то же самое блюдце
готово услышать ответ.
Спешим – голоса наши скоро прольются,
утихнут в осенней листве.

Ты здесь, человек? Или здесь только грёза
с которой погибла Звезда?
Нам нужно задать тебе пару вопросов,
пока ты их нам не задал.

2015

Демонтаж лета

Лики ветров с каждым утром суровой,
шествуют важно по улице Кирова
специалисты по сносу и кровле.
Видимо, лето пора демонтировать.

Многим уже надоела до спазма
некогда свежая полость громадины.
Так оставлять без разбора – опасно;
кое-какие детали украдены,

что-то отпало, прогнило, просело,
вон как её, бедолагу, скорёжило.
День колготится насупленный, серый,
осень бредёт с недовольною рожею,

тычет в конструкцию сабельным пальцем:
– Это откуда такая нелепица?!
Пара спецов начинает копать
в лете, в котором ещё что-то теплится.

Носится мат впереди инструмента.
Кран многотонный пригнали строители,
и за полдня разобрали всё лето.
Лета – как не было. Словно не видели.

2015

Неопознанный вихляющий объект

Неопознанный вихляющий объект,
состоящий из пульсирующей влаги,
неизящно, как вербовка алчных сект,
провихлял по тем местам, где ходит всякий;

в гастрономе взял какую-то еду,
непривычную ему, без вкуса меди.
Кто-то снял и сразу выложил в ютуб,
кто-то вскрикнул, кто-то даже не заметил.

Он вихлял, играя в чуждую игру,
привыкая понемногу к обстановке,
к необычному набору ног и рук,
веселясь: какой в движеньях он не ловкий.

Подражал бурливым звукам изо рта,
допуская, что быть понятым – нет шанса,
допуская, что две особи из ста
не умеют почкованьем размножаться.

Парк пригубив, как дотошный сомелье
смаковал прозрачный воздух, а не синий,
и пропал. Осталась утром на скамье
оболочка с ретроградной амнезией.

2015

Гражданин

Далече от тихих, ласкающих нор
стоял гражданин в карапузной панаме;
задумчивый, серенький, грустно-непьяный,
невольник устоев и мученик норм.

Елозили люди, паслись каблукы,
несвежего дядю морщина в шарпея,
а он, от серьёзных прохожих робея,
поигрывал галстуком цвета ирги.

Шпионы при свете не ламп окажись
прочли бы по искрам надежды во взгляде —
мужчина стоял и глазами всех гладил,
забывши внезапно, как жить эту жизнь.

Хотя он и раньше особо не жил,
но всё ж вытворял хоть какие-то действия.
Назад отмотав до бескрайнего детства,
растаял, как тают в песках миражи.

Медсестра

Он живо представил, как в муках родился,
прошёл детский сад, ненавистную школу,
представил детально товарища Колю,
с которым служили под Даугавпилсом,

грызня в институте, женитьба и дети,
заботы, работа, заботы, работа,
две смерти, отсутствие всякой свободы,
позорная пенсия, внуки, вкус меди.

Представил себя, отражённым во внуках,
инфаркт, медсестра его держит за руку,
так море качает изорванный парус.
Представил, что умер. И, не просыпаясь,
по новой рождается в рамках игры,
являясь участником грёз медсестры.

2014

Пожарный выход

Лимонные листья – на серый, сырой тротуар,
косматые тучи с оттенком сирени
взрывают зонты, каким-нибудь Делакруа
глядишь на цвета. Завывают сирены —

добавила красного пара пожарных машин,
и ну разгонять чёрно-белые тромбы
откормленных улиц. Картину бы потормошить,
и вытрясти зелень лужайки, и дом бы.

В подкорке крючками засели: далёкий пейзаж,
этюды из жизни, абстракции быта —
мне эти поделки обидно подсунул торгаш,
когда я был солью ещё не пропитан.

Обычные краски, колор, разевавшийся день.
Ты видишь палитру, а я не уверен,
что вижу. Смотрю на картины и думаю: где
в моей галерее пожарные двери?

Из ниоткуда

Нежданно, резко, броско он появился, как простуда,
мужчина в шляпе старомодной на тыкве без ума,
родился из другой вселенной, скакнул из ниоткуда,
отпочковался от пространства, сгустился как туман,

по льну изящного пейзажа разлился чёрной кляксой,
сорочку дня борщом забрызгал, вlepил судьбе ремня,
нескладный, дикий, безобразный, как в снегоступах
аксель,
возник, взорвался, всплыл подлодкой, и врезался в меня.

Я падал долго, истерично, асфальт собой морщина,
продукты мялись, разбивалась бутылочка пивка.
Проклятья шляпу не догнали, повисли, ведь мужчина
удрал внезапно в те глубины, где прятался века.

2015

Дядя Дима в понедельник не проснулся

Дядя Дима в понедельник не проснулся,
не поднялся мумией с постели,
не побрёл уныло в душ с обидой скунса,
и не проклял этот день недели.

Дядя Дима не налил спросонья чаю,
на горбушку бросив пару шпротин.
Так и сяк рассудок песней выручая,
не разбавил мерзость подворотен.

А во вторник растревожится застенье,
ведь сосед отнюдь не ради денег
прописал в своей однушке воскресенье,
в дураках оставив понедельник.

2013

Протолицо

Ты когда-нибудь видел человека с протолицом?
У него нет ни глаз, ни носа, даже ниточки рта —
будто ластиком стёрто, будто выровнено спецом —
пластиком. Неприятно вытарацилась пустота.

Как ему жить среди мимически активных людей?
Мимикрировать в цепком городе куда проще сёл,
знаешь, что он устроил? Как пернатых ловит котей,
так он ловит улыбки, взглядики, гримасы, и всё

экономно расходует для выживания и
размножения. Выдумай его подобий толпу;
на фундамент наклеены улыбки, мыслей огни
мельтешат в присобаченных глазах, барханы на лбу.

Тусклым вечером прячут плоскость от ненужных рубцов
и укладывают свои трофеи для новых драм.
Ты когда-нибудь видел человека с протолицом?
А я вижу его пустыню в зеркале по утрам.

2015

Запуски воздушного змея

Шея растягивается подобно гофрированному шлангу — в очередной раз отпускаю голову-змея в облака.

Тело, опутанное клубком информации, немного жалко, оно, родное как троллейбус, терпит мои измены. Пока.

Утром погода ветреная, можно резвиться до стратосферы.

Многие выпустили своих змеев проветриться. Гляжу: шары, аэростаты, даже спутники на растянутых нервах дёргаются, на время забывая родительскую жуть.

Бывает, змеи сплетаются в вихре свободы небесно-свежей,

и эта связь прочнее, чем связь туловищ, начавших любить.

Облака выше люстр, но ниже звёзд. Возвращения вниз всё реже

радуют.

Если обрезать нить?

Квартирная рекурсия

Стена в цветастой пижаме задрожала —
должно быть, с той стороны просится ненависть,
и под пижамой, оттенка баклажана
шипит изнанка с надувшимися венами;

в бетонной мякоти, ссорами зачатой,
очнулось нечто, задёргалось в агонии —
стена разверзлась и выглянула чья-то
худая, как леденец, физиономия,

моргнула и, не дождавшись оплеухи,
ушла обратно в бескрайности застенные.
И тихо.

Мухи топчут вислобрюхие,
колдуют на подоконнике растения,

гундосят в гибельной позе занавески —
сквозняк оплывший, на форточки обиженный,
гарцует, мясо пришпоривая мерзко.
Неужто стены улитками разжижены?

Неужто стены чувствительней циновки?!
Тараню лбом и внутрь вглядываюсь, раненный:
в соседней комнате – та же обстановка,
там – я,

минутой ранее.

2015

Испытание чёрной дырой

В зеркале крайне неприятный вид с утра:
над погрузневшими бровями – лоб набухший,
словно бурдюк, а по бокам – пришиты уши.
Пуп на беременном лбу – чёрная дыра,

в поле которой попадает разный хлам:
мысленный мусор (со вчерашней датой бирка),
каша из образов, летящих враслопырку
(сброшены вечером в пакет для барахла),

паника, фобии, вражда – опасный шлак,
зря ты выплёскивал всё это накануне
в душных объёмах, веря, что тебя не клонет,
что негативная хмарь навсегда ушла.

Мало мечталось у торшера, не спалось,
морок под веки закатил томаты черри,
мало любилося под дождём. Теперь твой череп
выдержит, или же сместит земную ось.

Дырь поглощает, голоса химер сипят,
поздно хватать нить, сожалеть и тьмы бояться.
В самую ширь мёрзлую окуная пальцы,
жадно засасываешь сам себя.

2015

Смена полюсов

Батарея остыла, твой жасминовый чай остыл,
остывает кушетка – ежедневная роженица,
да и ты остываешь, как пустеющий монастырь,
уплывает тепло за окна, чтобы в кого-то влиться.

Всё извёл на прохожих, всё, что выцедил из родных.
Выдыхаешь кудлатый пар в овраги ладонных линий,
согреваться теперь – что маслом пичкать бесплодный
жмых,
где недавно цвело лицо – сосульки и свежий иней.

Застучали соседи, к ним внедряется твой дубак,
стекленеют глаза, поди и пальцы до хруста крючит,
примерзают к матрацам, и, боясь раскрошить собак,
избегают объятий, плещут в горло первач горячий.

Обсосали ветра густые – паинек и зверюг.
Вдруг твою Антарктиду с эпицентром в районе сердца
кто-то жаркий полюбит крепче, чем растворимый юг,
попривыкнув к твоим пингвинам, в гордых снегах
поселится...

Иллюзии

Под небом серо-матовым
по улице Ахматовой
патологоанатом
безмолвной иваси
брёл, думая: «Не в плюсе я.
А если я – иллюзия?
Кошмарная иллюзия
незримых высших сил?»»

По улице Межидова
студент за ноль посчитанный
с плакатом неожиданным
стоял, как истукан:
«Мы – лузеры, не юзеры,
мы – жалкие иллюзии,
никчёмные иллюзии
больного чудака»

По улице Бестужева,
реальностью контуженный,
мужчина шёл с оружием,
на жителей вопя:
– Вы – стойкие иллюзии!
Вы все – мои иллюзии!
Прощайте же, иллюзии!

И выстрелил в себя.

2016

Час эсминца

В одну из второсортнейших гостиниц
себя приносит каждую субботу
мужчина статный, грозный как эсминец,
входящий в сонное болото.

Удавка-галстук, шляпа и перчатки,
часов сверкает два десятка унций.
Охрана – кукурузные початки
на улице неловко мнутся.

Не заказав ни Агнию, ни Ольгу,
покрытых ряской мыслью о привате,
снимает номер с видом на помойку
и липкой жалобной кроватью.

Глядит на мусор, высвободив очи,
на стул отёкший плюхается клячей,
срывает галстук, телевизор громче,
и плачет.

В Катманду

Ко мне пристал дедуля в подворотне,
в тиши коньячной и до слёз ночной,
пока меня рефлексом било рвотным,
старик в висок бубнил, что он – был мной,

а я – был им; духовно с ним едины,
и что вцепилась в нас – одна беда,
но он – поднял себя на поединок —
стерпел. Взял верх над ней. И мне туда.

Старик был ярок, въедлив как реклама,
меня ж – сгибало в спазмах пополам
от жизни, лжи, него, как Далай-лама
внушающему мне, что я – не хлам.

Приняв его за финт галлюцинаций,
во мне, слепом, устроивших вражду,
я, продолжая жизнью наслаждаться,
его направил в Катманду.

Плохая мина при хорошей игре

Как странно – люди состоят из дверей
закрытых, в скважинах что-то искрится.
Плохая мина при хорошей игре —
броня, ключи – только избранным лицам.

В спокойной бухте – судна гибельный крен,
то – мы не там, то – дождь, то – мы не с теми.
Плохая мина при хорошей игре —
врождённый вирус. Спасибо системе.

Иной идёт, бывает, как на расстрел,
а дома – дети, жена варит ужин.
С хорошей миной при отвратной игре —
прохожим лучше, но донору – хуже.

Черты оттаяли? Исправься скорей,
никто не должен заметить слабинки,
с плохую миной при хорошей игре
езде ты свой: и в метро, и на рынке.

С хорошей миной – в голове винегрет,
и боль потом – беспринципней и ярче.
Плохая мина при хорошей игре —
надёжный финт обмануть неудачи.

2016

Прощание с весной

В окне – кусок небесного мочала,
скелеты веток, чада всяких СМУ.
Нам обещали раннюю весну,
потом сказали, что она скончалась.

Спешила к нам, сверкали фары пятюк,
и где-то вмёрзла, видимо, в сугроб.
За что? У нас же нервы не из строп,
зачем жестоко с нами так, ребята?

Зима кряхтела и взбивала тучи,
катал прохожих ветер-скарабей.
Во двор осипший вылезли скорбеть,
молчать и лить в себя что погорючей.

А может, вместо точки запятая?
Не ясно толком, что там, да и как,
а вдруг её в пути схватил маньяк?
Мы киснем тут, а он её пытается!

Давайте-ка найдём и нахлобучим!
Нельзя сдаваться. Мы же не они...
эй, кто-нибудь, куда-нить позвони...
Мы пили и надеялись на случай.

2016

Дяди индиго

Солнце садится, встаёт без клика, веет из чёрных дыр,
мамы рожают детей индиго, но не изменен мир.

Дети индиго срывают шоры у городов и сёл,
дети индиго приходят в школы и забывают всё.

Мальчик индиго, скажи, надолго ты погостить сюда?

Нам без тебя – мегатонны долга, нам без тебя беда,
нам без тебя – гамадрилы, пальмы и техногенный ад,
ждут кандалы и конец печальный, если уйдёшь назад
в чрево, в легенды, в созвездье Девы,
в долгий программный сбой.

Дяди и тёти индиго, где вы?

Слились давно с толпой.

2016

Никтофобия

Ночью спишь. Ты ночью слабый голый хоббит.
Слышишь: кто-то мягко по квартире ходит,
дремлющий паркет скрипит под ватой пят.
Спать уже не хочешь, а пришедший вроде
бы уверен, что все спят.

Он плывёт по залу тихо и неспешно,
мебель щупает рукой во тьме крошечной,
ищет выход, или жертву, или морг.
Ты застыл и, будто косточкой черешни,
взглядом бьёшь в махровый морок.

Это явно не сосед, не пьяный папа,
очевидно – он догонит, как ни драпай,
как ни прячься под кровать и за комод,
хоть святой водой полей, хоть сбрызни граппой —
он учует и найдёт,

не позволив даже пискнуть: «дядя, кто ты?»,
схватит крепко, так хватают дети торты,
и начнёт преображение с головы.
Это тот момент, когда уставший мёртвый
хочет снова быть живым.

Он уже на полпути, спешит на ощупь

и, урча, как лесоруб в сосновой роще,
тянет пальцы – десять вёртких чёрных змей.
Накрываешься, истерзанный, не тощим
одеялом – так верней.

Может, он и сам попался в сеть жилища
и пришёл отнюдь не за здоровой пищей,
может, странный гость – боится темноты,
а руками шарит – просто тумблер ищет.
Выключатель – это ты.

2016

Как всегда

Весна, на солнце вышли дети, кто – спит, кто – лезет на рожон,
мужчине в вязаном берете внезапно стало хорошо;
его лицо порозовело, в груди закончилась пальба,
улыбка явственно и смело образовалась на губах,

вдохнул, в удобной позе замер, отстала где-то боль,
кажись,
и пронеслась перед глазами несуществующая жизнь,
прилёг на лавку, чуть не ожил. Народ ходил, как вдоль витрин,
но некто чуткий из прохожих набрал заветные ноль-три.

Пекло щеку, трещали птицы. Примчалась пара хмурых лиц,
и увезла почти счастливица в одну из жаждущих больниц.
Весны отчалил парходик, плетёт интриги суета.
Мужчина выписан, и ходит как все, как надо, как всегда.

Всем спать

Звёзды вцепились в луны курабье,
где-то зевнула изба.

Бродит по кладбищу тощий субъект,
шепчет в могилы: «Всем спать.

Спи, Михаил, и Сергей – тоже спи,
хватит, Глафира, бубнить.

Хватит сочиться, как дерева спил,
спят же обрубки и пни,

ваша бессмертная часть отошла,
только – телесная ржа
здесь и зуденье недавнего шва —
нечему больше лежать.

Спите, чья память ещё горяча.

Боже, остыть помощи».

Всех обойдя, как детей в тихий час,
скрылся в одной из могил.

Душу купил

Душу купил в подворотне. Оплачено налом.
Грустный мужчина представился вежливо: Веня.
Я б не купил – продавец навязал, не хватало,
видно, ему на билет до Забвенья.

Взял и купил по дешёвке. Ещё торговался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.